

Счастличик Окуджава
Рецензия на книгу: *Александрова М.А.*
Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке».
М.: Флинта, 2021. 592 с.

Светлана С. Бойко
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, svetlana-boyko@yandex.ru*

Аннотация. В рецензии рассматривается книга М.А. Александровой «Творчество Булата Окуджавы и миф о “золотом веке”». Показано, что данная монография охватывает творческое наследие Булата Окуджавы как целое. Александрова рассматривает его в широком литературном контексте. Она адекватно интерпретирует культурные ориентиры писателя и поэтику его произведений, убедительно опровергая распространенное мнение о поэте как о «певце старины». В монографии обстоятельно рассмотрен мотив личной ответственности как доминанта творчества Окуджавы 1980–1990-х гг.

Ключевые слова: Булат Окуджава, «золотой век» русской литературы, М.А. Александрова, мотив личной ответственности.

Для цитирования: Бойко С.С. Счастличик Окуджава [Рец.]: Александрова М.А. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке». М.: Флинта, 2021. 592 с. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. Ч. 2. С. 254–264. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-254-264

Lucky Okudzhava
Book review: *Aleksandrova M.A.* Bulat Okudzhava's
creative path and the myth of the “golden age”,
M.: Flinta, 2021. 592 p.

Svetlana S. Boyko
*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
svetlana-boyko@yandex.ru*

Abstract. The review considers the book “Bulat Okudzhava's creative path and the myth of the ‘golden age’ ” by M.A. Aleksandrova. This monograph

covers the creative heritage of Bulat Okudzhava. M. Alexandrova considers it in a broad literary context. She adequately interprets the writer's cultural landmarks and the artistic features of his works. She convincingly refutes the popular opinion about the poet as a "singer of antiquity". The monograph thoroughly examines the motive of personal responsibility as the dominant of Okudzhava's work of the 1980s – 1990s.

Keywords: Bulat Okudzhava, M.A. Aleksandrova, the "golden age" of Russian literature, personal responsibility

For citation: Boyko, S.S. (2022), "Lucky Okudzhava. [Book review]: *Aleksandrova M.A. Bulat Okudzhava's creative path and the myth of the 'golden age'*, M.: Flinta, 2021. 592 p.", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory, Linguistics, Cultural Studies" Series*, no. 7, part 2, pp. 254–264, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-254-264

Название ироничного стихотворения Окуджавы «Счастличик Пушкин» стало предметом игры среди исследователей¹. Булата – «грустного солдата» и человека нелегкой судьбы – называли «счастличиком» не раз. Присоединимся к игре и мы. Для этого, как надеемся показать, нашелся достойный повод.

По нашему глубокому убеждению, для правильного понимания произведений Окуджавы необходимо рассматривать его художественное наследие как целое. Если его ранние песни стали манифестом нескольких поколений интеллигенции, то впоследствии и проза «отличалась повышенным автобиографизмом и естественной при этом резко выраженной связью с лирикой (при том, что позже он сам, как мы видели, эту связь и провозглашал)» [Кулагин 2008]. В поэзии Окуджавы смог достичь «синтеза интимности и космизма» [Новиков 2017]. Это утверждение справедливо и по отношению к его прозе.

«Литератор», как сам себя предпочитал называть Булат Окуджавы, прошел долгий творческий путь. От нормального эпигонского дебюта в русле социалистического реализма – через преобразование в песенном творчестве и трудные искания в исторических романах – через прозу малых форм, отразившую мироощущение людей и быт тоталитарной эпохи и оттепели – к творческому осмыслению своих и чужих ошибок в период «упразднения» театра.

¹Александрова М.А. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке». М.: Фланта, 2021. С. 11 (далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы).

Монография Марии Александровны Александровой «Творчество Булата Окуджавы и миф о “золотом веке”» стала завершением многолетнего труда исследовательницы. Ее работа известна специалистам как добротная, основательная и в то же время новаторская.

В своей монографии Александрова характеризует творческую позицию Б. Окуджавы в ее соотношении с прижизненной репутацией писателя как певца «золотого века нашей поэзии, культуры» (с. 11).

Исследователь осмысливает проблему на высоком уровне, не поддаваясь гипнозу «мировоззренческой коллизии», которая широко распространена в среде читающей публики: «Деление времени на “лучшую” и “худшую” части для многих осталось в силе и после того, как современность потеряла репутацию “сбывшейся мечты передовых людей прошлого”<...>» (с. 583). Справедлив вывод работы о том, что Окуджава «не поменял местами “лучшее” и “худшее”, но уклонился от самого принципа антитезы <...> Поэты в лирике Окуджавы не “спасаются” от своей эпохи в будущее и не вдохновляют потомков на побег в прошлое, а выполняют вечную миссию художника – <...>, пробуждая *чувства добрые*» (с. 583).

Ученый предлагает целостную концепцию литературного самоопределения писателя. В книге охвачено многожанровое творческое наследие Окуджавы: разнообразные прозаические формы, от романа до «автобиографического анекдота», драматургия, кинодраматургия, лирика.

Первые три главы: «Ностальгия по “золотому веку” как фактор литературной репутации Булата Окуджавы», «“Запрос на прошлое” в культуре XX века» и «“Золотой век” как неомиф» – посвящены теоретическому обоснованию концепции и общей характеристике контекста, на фоне которого рассматривается творчество писателя. Обстоятельно рассмотреть мифологизирующее сознание интеллигенции, как показала М. Александрова, необходимо для того, чтобы правильно понять отношение публики к творчеству знаменитого «барда» и более узко – для того, чтобы верно интерпретировать немногочисленные критические опусы, которые удавалось напечатать сторонникам поэта. Так, статья авторитетного С. Чупринина «На ясный огонь» (1985), которая может показаться поверхностно-эмоциональной, в разборе М. Александровой (с. 20–26) предстает настоящим зеркалом мышления интеллигенции позднесоветского периода.

Наблюдения делаются автором монографии в широком контексте литературы, современной творчеству Б. Окуджавы. Из числа наиболее значимых отметим сопоставление пьесы Окуджавы «Глоток свободы» с «Декабристами» Л. Зорина и стихо-

творения «Берегите нас, поэтов...» со стихотворением «Поэты» С. Щипачева.

Стихотворения Б. Окуджавы, посвященные А. Пушкину, А. Грибоедову, М. Лермонтову, анализируются в IV главе. Здесь показан самобытный взгляд нашего современника на великих предшественников, его независимость от ходячей «мифологии».

В отношении «мифологии» о Пушкине Б. Окуджава отмечал в частной переписке, что у него появился авторитетный сторонник в лице Юрия Михайловича Лотмана. Соображения, высказанные Лотманом, опять-таки в частной переписке, а потому нуждающиеся в широкой популяризации, получают объяснение в IV главе.

Ю. Лотман писал: «...Щеголев со товарищи много вреда надевали, <...> они создали миф “поэт и царь” и представили Пушкина замученным интеллигентом. Эти идеи прочно въелись»². М. Александрова показывает, что Окуджава в стихотворении «Счастличик Пушкин», напротив, создает образ поэта, который «возвышается над житейским опытом, оценивает перипетии своей судьбы с точки зрения вечности – *и все ему просто*» (с. 95–96). Поэтому и «Ю.М. Лотман определил героя своей книги [Пушкина. – С. Б.] как бы на языке Окуджавы» (с. 96).

Главы с шестой по восьмую посвящены «батальным полотнам» разных жанров, начиная со стихотворения-песни «Батальное полотно» (1973), и дают их убедительный анализ. Исследовательница вносит ценный вклад в комментирование исторических романов, в частности, в раскрытие их документальных источников.

Исторические источники – важная, показательная часть чтения Булата Окуджавы. Как и многие друзья его когорты, поэт был сосредоточен на поисках истины, в противовес «историческим фантазиям». Предвзятые версии событий разных эпох можно проверить, если в распоряжении имеются достоверные факты, хотя бы и немногочисленные. В 1976 г. Окуджава подчеркивал: «<...> Лет пятнадцать назад у нас значительно усилился интерес к отечественной истории. Появилось много новых специальных исследований, резко возросло число завсегдаев букинистических магазинов, мемуары и письма деятелей минувших времен пошли на вес золота...»³

Окуджава не был одинок в поисках документов и их подлинного смысла – сошлемся, например, на «сундук с письмами» из домашнего архива и на его значение в «Отблеске костра» (1965) Юрия Трифонова.

²Лотман Ю.М. Письма: 1940–1993. М., 2006. С. 347–348 (примеч. М.А.).

³Окуджава Б. Далекое и близкое / Беседовала И. Ришина // Литературная газета. 1976. 17 нояб. № 46. С. 3.

Стихотворение «Читаю мемуары разных лиц...» можно считать манифестом нашего героя. Воспоминания, письма, документы былых эпох Окуджавы в изобилии включал в прозаическое повествование. Тем самым он освобождал себя от предвзятых образов и оценок, выстраивая систему персонажей и событий на основе источников. Эта техника писателя требует от нас кропотливой работы, которая позволит показать, как именно текст соотносится с претекстом – какая часть мраморной глыбы превращается в произведение искусства, а какая отсекается как невостребованная.

Мария Александрова, разбирая «Свидание с Бонапартом» Б. Окуджавы, обнаружила недостающий ранее перевод воспоминаний актрисы Фюзи (Fusil), которая в 1812 г. пережила пожар московский, сумев и защитить себя в чудовищной неразберихе войны, и поддерживать товарищей по несчастью (с. 353).

Поделюсь воспоминаниями о комментировании второй главы «Свидания с Бонапартом». Прототип ее персонажа – певицы Луизы Бигар – французская актриса Луиза Фюзи, которая в 1812 г. и ранее работала в России и оставила ценные мемуары. В «Театральной библиотеке» (ныне – Российская государственная библиотека искусств), имеется первое, французское издание “*Souvenirs d'une actrice*” (Paris, 1841) и картотека публикаций текста на русском языке. Найдя в “*Souvenirs...*” страницы, соответствующие тексту «Свидания с Бонапартом», я посчитала их перевод, задействованный в романе, хорошим. Однако Евгения Азимова – переводчик-профессионал, а также глубокий знаток творчества Б. Окуджавы – исправила мою ошибку. Она обнаружила недочеты, говорящие о том, что переводивший владел французским не в совершенстве. К тому же часть главы, явно переводную, мне не удалось обнаружить в изданиях на русском. По моей просьбе О.М. Розенблюм беседовала с предполагаемыми переводчиками, однако именно “*Souvenirs...*” им оказались незнакомы.

Мария Александрова обнаружила недостающий вариант в «Русском архиве», что и требовалось доказать. Как известно, Лев Толстой свидетельствовал о своем благодарном интересе к журналу П.И. Бартенева. Регулярно обращался к нему и Булат Окуджава (с. 351). Это позволило исследовательнице указать на П.И. Бартенева как публикатора источника и как на переводчика. Она установила, что в параллельных мемуарам местах романа ряд неточностей «как раз и объясняется своеобразием бартеновской работы с текстом» (с. 351). Итак, поиски недостающего фрагмента текста увенчались успехом.

Я говорю о мелочах исследовательской работы не только потому, что они дороги лично мне. Думается, и на этом примере виден

коллегиальный характер научного труда, подобного цепи, в которую каждый – от профессиональных библиографов и переводчиков до издателей альманахов и до авторов солидных монографий – добавляет свое незаменимое звено.

Среди добросовестных исследователей Окуджавы принято во всей возможной полноте учитывать труды предшественников. Во многом этот тон был задан работой первопроходцев-библиографов – А. Крылова, В. Юровского и других. Они, как и Р.Р. Чайковский (автор первой библиографии Окуджавы, опубликованной в 1986 г.), не только усердно собирали по крупицам небогатый вначале, но обильный в нынешнем веке урожай научных и критических опусов. Они публиковали библиографии и добавления к ним, в частности, в 10-ти томах ежегодника «Голос надежды: Новое о Булате» (2004–2013), и мы имеем возможность пользоваться плодами этих трудов.

Вернемся к историческим романам. Ценные комментарии Марии Александровой относятся к еще одному из ключевых мотивов «Свидания с Бонапартом». Это «лед Зачанского пруда», упомянутый в романе и в стихотворении Окуджавы «Из стихов генерала Опочинина 1812 года». Исследователь устанавливает, что эффектный эпизод спасения раненого, лежащего на льдине посреди пруда, отнюдь не вымышлен, как это утверждали именитые критики позднесоветского периода.

Полезно задуматься, на каком уровне порою мы выстраиваем аргументы. В работах упомянутых критиков (не хотелось бы указывать конкретно – мало ли что устаревает при движении вперед), например, смешиваются понятия «архивного» и опубликованного исторических источников. Окуджава, как и многие в его окружении, активно читал именно опубликованные материалы. Он черпал сведения в таких изданиях, как дореволюционные «Русский архив», «Былое», «Всемирный вестник», пореволюционный альманах «Звенья», публикации следственных дел декабристов, их мемуаров и многого подобного.

В действительности, указывает М. Александра, эпизод спасения на льду Зачанского пруда «восходит к историческому факту, который извлечен Окуджавой со всеми подробностями, за исключением воинского звания спасенного, из упомянутого нами в VII главе очерка А.М. Васютинского “Наполеоновский солдат”» (с. 345). Эти и другие примеры соотношения текста с претекстом наглядно показывают, как именно Б. Окуджава работал с источником. Он не только опирался на сюжетную канву, но воспроизводил особенности экзистенциальной парадигмы свидетелей былых эпох.

Иначе выглядит в интерпретации М. Александровой поэтика литературных реминисценций Окуджавы. Показано, например, что сопоставление «варварских» сцен (спасение в 1812 г. отважной и решительной Варвары с дочерью от бунтующих мужиков на фоне горящего дома) с «Пропущенной главой» «Капитанской дочки» А. Пушкина ведется по контрасту, а не по сходству. Как мы убедимся далее, полемическая цитация действительно играет важную роль в поэтике Окуджавы.

Особую ценность представляет глава IX монографии – «Декабристы в творчестве Окуджавы: от апологии к рефлексии», посвященная анализу бытования декабристского мифа. Здесь избранная Александровой методология работает наиболее эффективно. Хотя глубокие корни декабристского мифа, относящиеся и к XIX, и к серебряному веку, вынужденным образом показаны в монографии неполно – это слишком обширная тема.

Но значение декабристского мифа, в частности, для «двойного сознания интеллигенции» (формулировка В. Кормера), действительно, нельзя переоценить. Наблюдения Александровой над развязкой романа «Бедный Авросимов» показывают, сколь трудным был путь Окуджавы к исторической трезвости. Например, «утопическому» финалу пушкинского послания «В Сибирь» («Оковы тяжкие падут, темницы рухнут...») противопоставлены отчаянные и несбыточные фантазии «маленького человека» – писателя Авросимова – о рухнувшей стене Петропавловской крепости и об организации побега ее узника. Тем самым у Окуджавы «Пушкинская картина торжествующего братства преобразается радикально» (с. 447).

Отметим особую ценность главы XII, посвященной, как это сформулировано у М. Александровой, «ситуации самоотчета»: «Ответственность за все происходящее – сквозной мотив позднего творчества Окуджавы» (с. 581). Действительно, мотив личной ответственности доминирует в творчестве Окуджавы конца 1980–1990-х гг. Самоотчет противостоит обвинительному пафосу диссидентской литературы и множества публикаций периода гласности.

М. Александрова противопоставляет тему личной ответственности поэта «поискам мифической державы». Герой поэмы «В карете прошлого» убеждается, что различие между «веком нынешним и веком минувшим» поверхностное: «минувший век представлен ряженым на подмостках ярмарочного балагана» (с. 580). Балаган истории не отменяет вопросов, которые герой задает себе самому, возвращаясь из путешествия в былые времена:

Скорей назад, покуда вечер поздний
движенья моего не перекрыл!
И там и здесь – одни и те же козни,
добро и зло, и пагубность чернил,
кровавой сечи шум и запах розни,
хотя неумолимей и серьезней,
но тот же, тот же, что и прежде был...
<...>
История нам кажется дурной.
А сами мы?.. А кто тому виной?..
(В карете прошлого)

Образность поэмы, работа над которой была начата еще в пору завершения «Свидания с Бонапартом», а публикация состоялась лишь в сборнике «Зал ожидания» (1996), «получает объяснение именно в ближайшем временном контексте» (с. 580). Притом «Окуджава позаботился о том, чтобы закрепить место поэмы в современном контексте: ей отведены заключительные разделы двух последних прижизненных книг» (с. 570). Мысли человека «империи времени упадка» сохраняют актуальность и получают развитие в условиях уже другой страны – в культурном контексте 1990-х. Быть может, это лучшее подтверждение тому, что оппозицию «века нынешнего и века минувшего» можно и нужно упразднять, когда речь идет о добре и зле, о «запахе розни», о «пагубности чернил»...

М. Александрова заново определила, в чем состоит значение цитат и реминисценций в поэме «В карете прошлого». В частности, она показала обширный ряд полемических обращений Окуджавы к пьесе Максима Горького «На дне» («в карете прошлого – никуда не уедешь...»), соседствующих с цитатами из «Горя от ума» А. Грибоедова. Вывод из этих наблюдений раскрывает мировоззренческую позицию позднего Окуджавы: «Пересечение горьковского и грибоедовского контекстов создает иронический ореол вокруг любого побега из наличной реальности. Взглянуть в это зеркало предложено всем, кто печалится о пресловутой “упорядоченной старине”» (с. 579).

Могу только радоваться, что Мария Александрова упразднила мои лихие утверждения двадцатипятилетней давности о будто бы обманном указании на горьковскую «карету». Однако в отношении семантики метра и строфики, думается, наши давние соображения остаются в силе. Искусное одиннадцатистишие, ироническая природа которого была обоснована М. Гаспаровым, иронически многократная простая рифмовка («Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта,

Жоржетта» – это ведь тоже Окуджава) и другие «стиховедческие» шутки... Они действительно «доступны для наблюдения профессионального читателя» (с. 573), – который может ассоциировать подобную игру с «Домиком в Коломне» А. Пушкина.

Напомним в связи с этим, что Булат Окуджава, подобно Юрию Тынянову – историку-писателю, – отнюдь не чужд поэтике не всем понятных намеков и отсылок к малоизвестным источникам. Такие отсылки гармонично сочетаются с обстоятельным вниманием в смысл исторических документов, которое отразилось в работе романистов-историков.

Наконец, вся глубина и сложность коллизии «Окуджава и миф» отражена в заключении монографии: «По своей душевной организации, по художническому складу Окуджава не был расположен к мифоборчеству» (с. 572), – каковым, однако, он вынужден был полжизни заниматься.

Переходя к обсуждению спорных положений, остановимся на понятии «мифа», а точнее – на применении понятия «миф» к анализу творчества Окуджавы в его соотношении с контекстом.

Верно, что «Совпадение тематики его произведений с репертуаром литературы ностальгического пафоса» обусловило репутацию, которая не соответствует реальной творческой позиции писателя (с. 582). Это соотношение, как видим, успешно анализируется с применением понятия литературной репутации, что отражено в первой главе. Применение понятия «миф» кажется нам по отношению к этому противоречию едва ли не избыточным. К тому же в третьей главе оно соотносится с цитируемой теорией о «непоправимой субъективности» смысла.

Тем самым «миф» как бы безразличен к понятию истины. Между тем Б. Пастернак, высоко ценимый Окуджавой, говорил устами своего героя: «Я не люблю людей, безразличных к истине». При том условные оппоненты Окуджавы – в результате применения Александровой понятия «миф» – оказываются как бы вне критики, поскольку имеют право на мнение, якобы равноценное всякому другому. Не обезоруживает ли нас избранная методика?

Отметим и некоторые спорные частные соображения. В работе справедливо отмечен отчаянный исторический скепсис «Свидания с Бонапартом». Ему противопоставлена литературная «гармонизация исторической жизни» (глава X) – на примерах «утопий» А. Пушкина («Капитанская дочка») и Л. Толстого («Война и мир»). Слово «утопия» употреблено вслед за научными предшественниками, но в этих рассуждениях термином не является. Не превращается ли оно в этом случае в предвзятую оценочную характеристику?

Под «мифической державой» из поэмы «В карете прошлого» М. Александрова предлагает, в частности, подразумевать образы из фильма С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли» (с. 580). Утверждение, на наш взгляд, спорное.

Главу XI завершает вывод: «Диалог с великой традицией, продолжавшийся почти тридцать лет, приводит художника к заключению, что античность гибнет в качестве прообраза “золотого века” и торжествует как модель “века железного”» (с. 556). Эти ценные и глубоко обоснованные соображения не кажутся нам, однако, универсальными. Все же в «Путешествии дилетантов» мотив античности звучит скорее идиллически.

В издании монографии недостает именного указателя. Исследование, насыщенное столь значимыми именами, особенно остро нуждается в нем. Думается, читателю было бы удобно располагать и списком сокращений. Конечно, для приверженца Окуджавы очевидно, что «[БЗШ]», оговоренное при первом употреблении, – это «Будь здоров, школяр». Но читатель не обязан быть настолько погружен в мир писателя, чтобы определять названия по аббревиатурам.

Эти и другие детали не умаляют ценности монографии, которая не только *притягивает миру истину открыть* («Почему мы исчезаем...»), но и приглашает к полемике. Книга Марии Александровой войдет в ряд обстоятельных исследований творчества Окуджавы, полезных не только специалистам, но и всем, кто интересуется отечественной литературой, историей, культурой.

Булат Окуджава, погружаясь в прошлое, глубоко проник в смысл исторических драм. Напоследок выберем для себя подарок из собрания его зрелых размышлений:

Мир замешан на крови.
Это наш последний берег.
Может, кто и не поверит –
ниточку не оборви...
Иллюстрация к любви.
(«Ехал всадник на коне...»)

Литература

Кулагин 2008 – Кулагин А.В. Окуджава и другие. М.: Булат, 2008. 248 с.

Новиков 2017 – Новиков Вл.И. Литературные медиаперсоны XX века: Личность писателя в литературном процессе и в медийном пространстве. М.: Аспект Пресс, 2017. 240 с.

References

- Kulagin, A.V. (2008), *Okudzhava i drugie* [Okudzhava and others], Bulat, Moscow, Russia.
- Novikov, V.I. (2017), *Literaturnye mediapersony XX veka: Lichnost' pisatelya v literaturnom processe i v medijnom prostranstve* [Literary media personalities of the 20th century: The zersonality of a writer in the literary process and in the media space], Aspect Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Светлана С. Бойко, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svetlana-boyko@yandex.ru

Information about the author

Svetlana S. Boyko, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; svetlana-boyko@yandex.ru